

НИ СМЕХ, НИ СЛЕЗЫ, НИ ЛЮБОВЬ

Единственный российский фильм конкурсного показа

XXI Кинофестиваля *Неувядающая сажа. - 1999. - 29 июля. - с. 7*

Сергей Колтаков с пушкинскими бакенбардами гуляет по «Страстному бульвару».

Валерий Пашкевич

О ДНАЖДЫ утром кочегар Андрей Соколов проснулся в тяжком похмелье и обнаружил у себя на подоконнике говорящего ворона. Никакой беды ворон кочегару Соколову не накаркал, а лишь выпил с ним водки, познакомился поближе и легкий беспорядок в комнате произвел. Хорошая душевная птица оказалась. В некотором смысле даже вещь, хоть и не Гамаюн. Под грудой обрушенных вороном Федей старых книг кочегар Соколов находит третью записную книжку и собственную старую фотографию, на которой он жуть как на Пушкина похож. Тут кочегар Соколов и вспоминает, что не весь свой век он кочегарил и водку пил, что были времена и получше. Когда был он, Андрей Соколов, удачливым актером, любимцем женщин и друзей, счастливым мужем и отцом. И даже пробовался на роль Пушкина. Посмотрел Соколов на себя в зеркало и понял, что Пушкина из него, Соколова, и сейчас еще не поздно состряпать. Нацепил бакенбарды, набросил на плечи парадный сюртук и пошел прочь из своей каморки на встречу с прошлой жизнью, старыми друзьями и стареющими возлюбленными.

Путешествие в прошлое — вещь

опасная. Вот и Соколову несладко пришлось. У друзей его и одноклассников жизнь тоже не особенно задалась. Они хоть и не сидят в кочегарке, но водку хлещут не меньше соколовского. Потерянное поколение, одним словом. Грустно и одиноко стало Соколову — пошел он на Курский вокзал стаканчик пропустить и познакомился там с душевным человеком из Сибири. Привел человека на ночлег, а тот его взял да обобрал. Сперва сибирячок обокрал, потом молодые уркаганы избили почти до смерти. Почему избили — не очень понятно. Взялись довести до аэропорта, а по дороге высадили и избили. То ли не приглянулся он им, то ли заподозрили, что решил покататься на халяву. Но Соколов все же выжил и встретил добрых людей, без которых свет не свет.

Сценарий к фильму написал актер Сергей Колтаков. Он же исполнил главную роль — Соколова-Пушкина. Колтакова широкая публика наверняка помнит по главной роли в замечательном фильме того же Владимира Хотиненко «Зеркало для героя». Прежде Хотиненко много лет работал со сценаристом Валерием Залотухой, и союз этот был весьма удачным и плодотворным (достаточно вспомнить успех «Макарова» и «Мусульманина»).

Потерянное поколение. Покалеченные судьбы. Водка, кровь, любовь, социальная риторика.

Владимир Хотиненко на пресс-конференции сказал, что его фильм не о правде жизни (о чем тогда?). Сергей Колтаков явно обиделся на журналистов за то, что они не задали ему правильных вопросов: «Я думал, меня будут спрашивать о другом». Спрашивали о том же самом — кто виноват и виноват ли кто-то вообще.

Не знаю, кто уж тут больше виноват, но фильм выглядит странным пришельцем, прикинутым на манер конца восьмидесятых — начала девяностых. Поиски пресловутой духовности. Интеллигентские комплексы. Метания загадочной русской души. Опостылевшая чернуха с ее неизменными составляющими. Утопающий в водяре град Китеж. То ли небыль, то ли быль, а на самом деле — пафос, простительный лишь постперестроечной публицистике. Папино кино. В плохом смысле слова. Не «Ворошиловский стрелок», конечно. Но почему-то редкие молодые люди в фильме — или ушлые ублюдки, или невинные страдалницы. Ежели и чужое поколение своим аршином мерить, то где же выход и в ком надежда? В тех маргиналах, что у костра сидят, русские песни поют и в мавзолей на выходные собираются? Для кого-то, может, и так. Да только скучно это. Хороша была народническая утопия, конечно, но только для конца прошлого века.

Обидно не то, что фильм вышел неудачный (мало ли у нас фильмов плохих снимается), а то, что Владимир Иванович Хотиненко — режиссер талантливый. Он один из тех немногих, кто умеет снимать красиво и стильно, кто заботливо выстраивает композицию каждого кадра. Грамотно усвоенная эстетика Кесьлевского и Кавани прочитывается даже через невнятный сюжет «Страстного бульвара».

Мощное режиссерское желание вырваться за рамки душевной, пахнущей потом и спиртом истории ощущается почти физически. Хотиненко придумал ворона, Пушкина, летающую женщину и благополучный финал, попытался вырвать на трогательную иронию, сказочный абсурд, сделать фильм эклектичным и неоднозначным. Но не получилось. Не спасли ни изысканно снятые московские пейзажи, ни красивые натюрморты, ни отражения в зеркалах, ни изящные монтажные переходы. Формальный язык поразительно не совпал с сюжетом. Лишь отдельные сцены, грустно-ироничные, оправдали затраченные усилия. Неприкаянная женщина в красных колготках, собачка в рюкзаке, чудаковатый старичок в дождевике — добрые и вполне самостоятельные новеллы только подчеркнули убожество и неуместную пропедевтику основного сюжета.